

УДК 930.2; ББК 63.2; 63.3(2)44 ; DOI <https://doi.org/10.21638/spbu19.2018.206>

М. В. Корогодина

НЕИЗВЕСТНОЕ ПОСЛАНИЕ ЦАРЮ ФЕДОРУ ИВАНОВИЧУ ИЗ КОНСТАНТИНОПОЛЯ

Конец XVI столетия явился переломным этапом для земель Slavia Orthodoxa. Когда-то единая Киевская митрополия к этому времени уже полтора столетия была разделена на две части, находившиеся на территории разных государств: Московского царства и Великого княжества Литовского (вошедшего в середине XVI в. в Речь Посполитую). Различия в их развитии привели к ключевым событиям, определившим дальнейшую судьбу двух митрополий: учреждению патриаршества в Москве в 1589 г. и Брестской унии 1596 г. Данные события вызвали волну посланий и полемических сочинений, авторами которых были как архиереи, так и простые иноки. При этом авторитет и слава полемистов, не обремененных высоким саном, подобно Иоанну Вышенскому, порой превосходила своим влиянием архипастырей.

Свидетельства бурного обмена посланиями сохранились разными путями: официальные грамоты, адресованные государю или патриарху, оставались в Посольском приказе или патриарших канцеляриях; полемические послания тиражировались, в том

© М. В. Корогодина, 2018

числе печатались в типографиях в Остроге, Вильне, Львове. Несомненно, немалая часть посланий была утрачена или дошла в случайных единичных списках в составе сборников. При этом сведения об участниках событий сохранились весьма неравномерно: большинство известий о православных деятелях и полемистах, связанных с Речью Посполитой, относятся ко времени, начиная с Брестской унии 1596 г. Их деятельность в предшествующий период известна, как правило, лишь в общих чертах — хронология их перемещений часто относительна, а сочинения, написанные до принятия унии, сохранились существенно хуже и имеют не столь надежные атрибуции. Тем большую ценность приобретают свидетельства о периоде, предшествующем заключению унии.

Фрагмент неизвестного послания, имевшего непосредственное отношение к событиям 90-х гг. XVI в., находится в рукописном сборнике второй четверти XVII в., хранящемся в Вильнюсе, в Библиотеке Академии наук Литвы (F19-107, л. 130–132 об.)¹. Текст был охарактеризован Ф. Н. Добрянским как «послание неизвестного отца к какому-то императору»² и до сих пор не становился предметом специального исследования. Начало послания вместе с титулярной частью утрачено; сам текст переписан на трех листках, вшитых в середину небольшой повести (близкой к патериковым), изложенной на «простой мове»³. Поскольку почерк, которым переписано сочинение, не встречается больше в рукописи, можно полагать, что в кодексе лишь случайно сохранился его отрывок.

Значительная часть текста, написанного в Константинополе на древнерусском языке с элементами «простой мовы», представляет собой риторическое восхваление царя (не императора, как полагал Ф. Н. Добрянский), его милости и щедрости в роли поборника православия. Риторическая часть послания, в котором царь сравнивается с солнцем, своими лучами озаряющим мрак неверия и создающим круг любви и добродетели, маловразумительна. Создается впечатление, что автор стремился блеснуть ученостью и произвести впечатление на адресата владением искусства «плетения словес». Наиболее излюбленными для него становятся образы круга, солнца и простираемых им лучей. Уверения, что «одны лучъ (царского милосердия. — М. К.) простерлися въ Ерусалим, другие опираются въ Святой Горъ, а третии озарили Львовъ», обрисовывают ту среду, которая была привычной для автора.

Послание написано ради просьбы. Однако это не обычная просьба о милостыне, с которыми нередко обращались к христианским государям восточные иерархи. Подчеркнув свою отверженность от всего мирского и отказавшись от мысли просить у царя вещественных благ, автор пишет: «отошли ты се мои листки до Лядское землѣ, там гдѣ изображение и надпись наверхъ листовъ есть». Очевидно, речь идет не о сохранившейся записке, направленной самому царю (она выполняла роль лишь сопроводительного документа), а об ином, неизвестном нам «листе общему житию», предназначенном для православных Киевской митрополии.

---

¹ Кириллические рукописные книги, хранящиеся в Вильнюсе: Каталог / Сост. Н. А. Морозова. Vilnius, 2008. С. 42. — На листах сохранился фрагмент филигранный «Кувшинчик», тип: *Heawood E. Watermarks mainly of the 17th and 18th centuries. Hilversum, 1950. № 3631 (без даты); Дианова Т. В. Филигрань «Кувшин» XVII в. М., 1989. № 296–298, 300–301 (1644–1646 гг.). — В рукописи находятся выписки из печатного Луцидауриса (Москва, 1622 г.), что указывает на нижнюю временную границу создания книги.*

² Добрянский Ф. Н. Описание рукописей Виленской публичной библиотеки, церковно-славянских и русских. Вильна, 1882. С. 237.

³ «Покаяние окладаючи коваль, пекло видѣвъ отворенное».

Сочинение, пересылаемое в Речь Посполитую, было связано с церковной полемикой, и именно оно представляло для отправителя наибольшую ценность. «Аз же аще растуся со ними тѣлом, но духом купно», — пишет автор послания и просит присовокупить к «листкам» две печатные Триоди: Постную и Цветную, а также прибавить иные книги и иконы, «колико хочешь и яких воля твоя царская», и переслать все в совокупности согласно «изображению и надписи». Передать письмо царю должен был находившийся в то время в Константинополе посол Данила Иванович, в адрес которого автор рассыпается в благодарностях за его благодеяния: «принял бо мене, странника, и упокоил, и погребы мои, ихже нужда бѣ, исполнилъ». Себя автор характеризует как «странника», отрекшегося от мира. Завершая послание, он сообщает о своем намерении покинуть в скором времени Константинополь и вторично вернуться в афонский скит, чтобы беспрестанно молиться о царе, его «госпоже» и о даровании им чад.

Несмотря на скудость указаний на исторические реалии, названных сведений достаточно, чтобы определить, когда, кому и при каких обстоятельствах было написано послание. Указание на царский титул, подчеркивание роли государя как защитника православия и в Киевской митрополии (во Львове), и на христианском Востоке (на Афоне, в Иерусалиме и в Константинополе) не оставляет сомнений, что послание адресовано московскому царю.

Упоминание двух книг, изданных в столице государя («от печатнаго ти дому Триодь Постную и Цвѣтную») также указывает на Москву, где Триоди впервые издал Андроник Невежа в 1589 и 1591 гг. Отсутствие собственных печатных изданий Триоди в Киевской митрополии должно было ощущаться, так что пересылка комплекта Триодей была существенным подарком, хотя, думается, главной задачей было переслать в Речь Посполитую «листки общему житию». Однако самым важным датирующим указанием служит упоминание посла Данилы Ивановича, облагодетельствовавшего автора послания. Известен единственный посол с подобным именем — Данила Иванович Исленьев, миссия которого в Константинополе пришлось на середину 90-х гг. XVI в. Это позволяет с большей определенностью говорить о том, что автор послания имеет в виду печатные Триоди Андроника Невежи, выпущенные незадолго до его встречи с московским послом. Следующее московское издание Триодей появилось уже в 1604 и 1607 гг.

Хронологические рамки посольства Д. И. Исленьева в Константинополь дают возможность уверенно назвать имя адресата афонского «странника» — царя Федора Ивановича. На особенностях его биографии указывают и пожелания, высказываемые автором послания. Среди этикетных фраз (о победе над врагами и еретиками, благочестии и вечной жизни в Царствии небесном), похожих на ектинью, находятся слова, напоминающие о сокровенных чаяниях царской семьи, — о даровании им наследника, способного остаться на царстве. Такое пожелание неизменно сопровождало послания московскому царю от Александрийского патр. Мелетия Пигаса⁴. Феодосия — единственная и долгожданная дочь Федора Ивановича, умерла за полгода до отъезда Данилы Исленьева из Москвы. Отсутствие наследника вселяло тревогу в приближенных московского царя. О связанных с этим обстоятельством сомнениях и надеждах автор

---

⁴ *Regel W.* *Analecta Byzantino-Russica.* Petropoli, 1891. P. 101, 105; *Мальшевский И.* *Александрийский патриарх Мелетий Пигас и его участие в делах Русской церкви.* Киев, 1872. Т. 2. С. 10, 14.

послания мог узнать от самого Данилы Исленьева, несомненно, осведомленного о шатком положении, в котором находился московский престол при отсутствии сына у царской четы.

Наибольшее значение для определения времени и обстоятельств создания письма имеет посольство Данилы Ивановича Меньшого Исленьева. О выполнении им дипломатических поручений сохранилось немало сведений. Уроженец московских земель⁵, Д. И. Исленьев впервые упоминается в 1579 г., когда он служил посланником в Крыму⁶. Это было самое раннее его назначение и единственный опыт службы на южном направлении. Затем Д. Исленьев на протяжении долгих лет был связан с польскими и литовскими землями. В 1584 г. дипломат в чине стольника был отправлен послом в Польшу⁷; в 1591 г. — послан в Литву⁸. В большинстве случаев он получал задания, связанные с выкупом пленников и урегулированием конфликтов, возникавших из-за нарушения границ. Смена направления посольства Исленьева, отправившегося в 1594 г. в Константинополь, не выглядит случайностью: уже в 1591 г. в Литве ему пришлось вести переговоры с Сигизмундом III о крымских делах, урегулирование которых было тесно связано с отношениями с донскими казаками и Турцией. Тогда же Даниле Ивановичу впервые пришлось иметь дело с «греческими старцами», шедшими в Москву; вместе с ними посол передал одну из грамот⁹.

Возможно, успешность службы Д. И. Исленьева в литовских землях побудила отправить его с аналогичным поручением в Константинополь летом 1594 г., вслед за возвращавшимся из Москвы турецким послом Резваном. Главной задачей Д. И. Исленьева, сопровождаемого подьячим Третьяком Аврамовым, было урегулировать возможные конфликты с турецким султаном Мурадом III по поводу спонтанно возникавших стычек на Дону. Кроме того, Даниле Ивановичу следовало в Константинополе выкупить и обменять пленников, многие из которых перечислялись в наказе поименно. Хотя глав-

⁵ Отец Д. И. Исленьева владел землей в Московском уезде. См.: Акты служилых землевладельцев XV – начала XVII века / Сост. А. В. Антонов. М., 1998. Т. 2. С. 122. № 119.

⁶ «Книга крымская 7087-го году по 88-й... да отпуск в Крым Данила Меньшово сына Исленьева да крымских гонцов Исенчи с товарыщи да государева гонца Ивана Елизарова... Книга с лета 7088-го по 89-й год... да приезд ис Крыму посланников Ондreja Измайлова да Данила Исленьева...». См.: Описи царского архива XVI в. и архива Посольского приказа 1614 г. М., 1960. Л. 216 об.–217 об.

⁷ «Книги 7092-го году... отпуск в Литву государева посланника Данила Исленьева с полоненики да литовского посла Лва Сопеги и приезд из Литвы Данила Исленьева», «Грамота Стефана короля блаженныя памяти ко государю царю и великому князю Ивану Васильевичу всеа Русии о полонениках, прислана в 92-м году с посланником з Данилом Исленьевым». См.: Описи царского архива XVI в. и архива Посольского приказа 1614 г. Л. 100 об.–101, 245–245 об.; Опись архива Посольского приказа 1626 года. Ч. 1. М., 1977. Л. 378.

⁸ «Книги 7099-го ж... отпуск и приезд посланника Данила Исленьева», «Грамота из Литвы, писана белорусским писмом, прислана в 100-м году с посланником з Данилом Исленьевым, что посылан был Данило в Литву с тем, что крымских людей на берегу Оки реки побили государевы люди». См.: Описи царского архива XVI в. и архива Посольского приказа 1614 г. Л. 247 об.–248; Опись архива Посольского приказа 1626 года. Ч. 1. Л. 143 об., 379 об.; см. также: *Шереметев С. Д.* Труды по истории Смутного времени. М., 2015. С. 101–108; *Эскин Ю. М.* Очерки истории местничества в России XVI–XVII вв. М., 2009. С. 337, 338.

⁹ *Шереметев С. Д.* Труды по истории Смутного времени. С. 104.

ной миссией посла являлись переговоры с турецким султаном, ему даны были также грамоты и жалованье для патриарха Константинопольского Иеремии и митрополита Терновского Дионисия, которые сыграли ведущую роль в учреждении патриаршества в России (хотя достигнутые архиереями результаты далеко не удовлетворили московские власти).

Посольство Д. И. Исленьева стало первым после того, как в Москве получили соборную грамоту 1593 г., подтверждающую, что Московская патриархия займет лишь пятое место в пентархии вселенской церкви. Непростая задача — показать патриарху Иеремии неудовольствие и одновременно побудить его и дальше поддерживать новую патриархию — была разрешена весьма хитроумным способом: ему назначили существенно меньшее жалованье, чем он получал ранее. В случае вопросов со стороны патриарха Иеремии, почему пожалования уменьшились, посол должен был отвечать, что архиерея не надеялись встретить — думали, что тот в Иверской земле, а полученное им жалованье было дано посольству «в запас». Если же патриарх будет служить царю Федору Ивановичу по-прежнему, то и жалованье тоже будет как прежде. Несмотря на случайность встречи, Д. И. Исленьеву следовало передать патриарху грамоту от царя и просить его принять в обучение греческому языку и грамоте «малого» Тараску Елизарьева, которого, выучив, необходимо отослать обратно в Москву¹⁰. Наказ Исленьеву свидетельствует о том, что московское правительство пользовалось любой возможностью, чтобы укрепить связи с восточными иерархами, обеспечить своевременное получение сведений и протекцию с их стороны.

К сожалению, сведения о посольстве Д. И. Исленьева отрывочны. В собрании Посольского приказа полностью сохранился полученный им наказ и копии врученных ему грамот, однако статейный список посольства обрывается в самом начале¹¹. Посольство было отпущено из Москвы 31 июля 7102 (1594) г. Ему предстоял непростой путь по Дону до Азова, откуда необходимо было переправиться в Константинополь. Статейный список обрывается на пребывании Д. И. Исленьева и товарищей в Азове в октябре 1594 г. Утрата произошла весьма рано; уже в описи Посольского приказа 1614 года отмечено, что документ не имеет конца¹². Несомненно, Д. И. Исленьев благополучно добрался до Константинополя и приступил к переговорам с султаном; произошло это не ранее ноября 1594 г. Описи Посольского приказа сохранили упоминания о грамотах от султана царю Федору Ивановичу, присланных из Константинополя Д. И. Исленьевым в 7103 (конец 1594 – 1595) г. и в 7105 (конец 1596 – 1597) г.¹³ Там же мы находим известия о возвращении в 7105 (1597) г. Д. И. Исленьева, успешно справившегося с переговорами и выкупом пленных¹⁴. Позже он снова был отправлен на службу

---

¹⁰ РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Д. 3. Л. 332–334 об.

¹¹ РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Д. 3. Л. 282 об.–382.

¹² «Да в 102-м году отпуск во Царьгород к турскому Мурат салтану государева посланника Данила Исленьева да подьячего Третьяка Аврамова; а последних тетратей и приезде Данилова в той книге нет» (РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Д. 3. Л. 196 об.).

¹³ Описи царского архива XVI в. и архива Посольского приказа 1614 г. Л. 165 об.; Опись архива Посольского приказа 1626 года. Ч. 1. Л. 82 об.

¹⁴ «Роспись полоняником, которые вышли из Царягорода з Данилом Исленьевым и иная мелкая турецкая рознь, а положены вместе с крымскими столпы. Столп турецкой 105-го году, приезд посланника Данила Исленьева». См.: Описи царского архива XVI в. и архива Посольского приказа 1614 г. Л. 321 об.–322.

на границу с литовскими землями — в 1602 г. Данила Иванович был межевым судьей в Торопце¹⁵.

Его пребывание в Константинополе было непростым: получив содержание на два года вперед, он вернулся только через три года, поэтому должен был испытывать финансовые затруднения в конце. Вскоре после приезда посольства в Константинополь, в начале 1595 г., султан Мурад III, которому были адресованы грамоты из Москвы, умер, и Османскую империю возглавил его старший сын Мехмед III, начавший правление с казни, согласно закону Фатиха, девятнадцати своих братьев. Не вполне ясно, успел ли московский посол встретиться с прежним султаном — описи Посольского приказа противоречат друг другу, приписывая присланную из Константинополя в 7103 (1595) г. грамоту то султану Мураду, то султану Мехмеду¹⁶. Столь же неясным остается и время возвращения посла: сохранились только косвенные сведения об этом. Описи Посольского приказа говорят о прибытии Д. И. Исленьева в Москву в 7105 (сентябрь 1596 – август 1597) г., в то время как царь Федор Иванович летом 1597 г. жаловался императору Рудольфу, что «турской Магмет салтан посланника нашего у себя задержал третей год и к нашему царскому величеству и по ся места не отпустил»¹⁷. Письмо императору Рудольфу не датировано. Оно вручалось посольству в августе, при отъезде из Москвы, но написано, очевидно, было заранее. Возможно, Д. И. Исленьев прибыл в Москву в августе 1597 г., когда письмо императору Рудольфу было уже подготовлено — выехать из Константинополя дипломат должен был за несколько месяцев до появления в Москве, весной 1597 г.

Данная цепь событий позволяет нам утверждать, что встретиться в Константинополе с корреспондентом царя Д. И. Исленьев мог в период с последних дней 1594 г. до начала 1597 г. Косвенные данные указывают на 1595 г. или первую половину 1596 г. Во-первых, послу, несомненно, легче было проявить щедрость в начале своего пребывания в Константинополе, а не в конце, когда деньги стали таять. Во-вторых, ничто в тексте не намекает на Брестскую унию и связанные с ней перемены в положении Киевской митрополии. Это заставляет предполагать, что послание было создано до соборных заседаний в Бресте осенью 1596 г.

Встреча московского посла и оказанные им милости афонскому монаху неслучайны. Д. И. Исленьев первый раз в жизни отправился на восток и, вероятно, не владел ни турецким, ни греческим языком. Проведя большую часть службы в Речи Посполитой, Данила Иванович должен был хорошо знать выходцев из литовских земель. Возможно, автор послания (который был, судя по языку, родом из Великого княжества Литовского) казался московскому дипломату почти соотечественником в чужой земле. Однако вряд

---

¹⁵ Полное собрание русских летописей. М., 1978. Т. 34. С. 240 (Бельский летописец, 7111 г.).

¹⁶ «Грамота к царю и великому князю Федору Ивановичю всеа Руси от турского Магмет салтана, з государевым кречетником с Карпом Фофановым, во 103-м году» (Описи царского архива XVI в. и архива Посольского приказа 1614 г. Л. 165 об.); «Свяска, а в ней переводы... да с прежние Мурат салтановы грамоты, какову привез ис Царягорода от посланника от Данила Исленьева кречетник Фофан во 103-м году» (Опись архива Посольского приказа 1626 года. Ч. 1. Л. 82 об.).

¹⁷ РГАДА. Ф. 32: Сношения России с Австрией и Германской империей. Оп. 1. Кн. 8 (14 января – 29 августа 1597 г.). Л. 248 об.; см. также: *Карамзин Н. М. История государства Российского*. 5-е изд. СПб., 1843. Кн. 3. Примечания к X тому. С. 55–56. Примеч. 299.

ли щедрость Д. Исленьева объяснялась душевным порывом — выходец из литовских земель, имевший тесные связи с Афоном и Константинополем, проявлявший живое участие в разворачивавшихся в Киевской митрополии событиях, мог иметь важное значение для Москвы. С помощью такого человека можно было получить сведения о последних событиях, касающихся положения православной церкви, позиции восточных архиереев и процессов, волновавших Киевскую митрополию. Объясняя, какого рода «листки» он просит переправить в «Лядскую землю», автор послания пишет: «в них бо воистинну ничтоже мирского, развѣ Христово писано». В контексте обращения к царю через официального посла эта фраза звучит как заверение, что в послании нет ничего секретного или имеющего политическое значение. Однако в то время и знакомство с полемическими посланиями имело немаловажное значение для Московского государства. Предпринимая действия сверх полученного «наказа», Д. И. Исленьев, видимо, полагал, что человек, знакомый и с «Лядской землей», и с Константинополем, и с Афоном, как и само послание в Речь Посполитую, должен будет заинтересовать московского государя.

В середине 90-х гг. XVI в. связь между Константинополем и Речью Посполитой была затруднена. 28 июля 1595 г. Сигизмунд III указом пограничным старостам запретил пропускать в земли Речи Посполитой греческих иерархов или тех выходцев из Османской империи, которые, предположительно, могли вмешаться в церковные дела: «люде греческого закону съ земль турецкихъ до паньствъ нашихъ не приходили, ... жебы жадные особы, которые бы отъ патрияховъ греческихъ зъ листами альбо посельствы якими-будь до епископовъ религеи греческой, будь тежъ до кого иного въ паньствахъ нашихъ посланы, абы были не препущаны»¹⁸. Указ предписывал задерживать всех православных, кто был как-либо связан с делами веры, отбирать у них «листы» и отсылать их в канцелярию короля Сигизмунда.

Учитывая, что указ особенно строго относился к тем, кто пытался провезти «листы», касающиеся церковных дел, длинный путь из Константинополя в «Лядскую землю» через Москву действительно мог оказаться самым надежным способом доставить послание о вере. Немалое значение для отправителя, несомненно, должна была иметь фигура Д. И. Исленьева, имевшего многолетние связи с польскими и литовскими землями. Судя по тому, что фрагмент сопроводительного письма царю сохранился в книге, переписанной в Речи Посполитой, расчет оказался верен, и «листки общему житию» (вместе с копией письма царю) были доставлены тем, кому предназначались. Кроме того, если неожиданный выбор долгого пути из Константинополя через Москву был вызван указом Сигизмунда III, запрещавшим проезд греческих посланцев и переписку о церковных делах, то время, когда было подготовлено послание, следует в еще большей мере сузить, ограничив второй половиной 1595 г. и первой половиной 1596 г.

Выяснив, когда, кому и при каких обстоятельствах было отправлено послание, мы вплотную подходим к вопросу о том, кем оно написано. Автор характеризует себя как монаха, отрекшегося от мира, называясь афонским «странником». Впрочем, продолжительность его пребывания на Афоне, в Константинополе или в иных землях, где он мог бывать, остается неизвестной. По этой причине наименование автора «афонским иноком» является полностью условным, поскольку Святая Гора могла быть далеко

---

¹⁸ Акты, относящиеся к истории Западной России. СПб., 1848. Т. 4. С. 106. № 75.

не основным местом его пребывания. Не должна вводить в заблуждение и нарочитая простота в обращении автора к московскому царю — искусное владение литературными приемами, превращающее вводную часть записки в панегирик царю, заставляет видеть в авторе прекрасно образованного человека. Книжный характер сочинения особенно ярко проявляется при сопоставлении с аналогичным посланием к царю Борису Годунову, написанным десять лет спустя выходцем из белорусско-украинских земель, торговым человеком Сенькой Андреевым сыном Волковским Овсяным¹⁹. Полуграмотная речь Сеньки, жалостливо зывавшего к царю, разительно отличается от наполненного риторическими оборотами и композиционно выстроенного письма царю Федору Ивановичу.

Написанное самостоятельно, без обращения к образцам подобного жанра, послание содержит единственную скрытую отсылку к тексту, который должен был быть хорошо известен русскому царю, — к соборной грамоте 1560 г.²⁰ Именно из нее заимствован образ царя как солнца, распространяющего круги милости, — образ, многократно обыгранный:

Соборная грамота 1560 г. ²¹	Послание царю Федору Ивановичу (ок. 1595 г.)
<p>ὡς ἀληθῶς καθάπερ τις ἕτερος λαμπρότατος ἥλιος, σφαῖραν τῆς βασιλείας αὐτοῦ ὑψηλοτάτην ὄντως καὶ λαμπροτάτην λαχῶν [который воистину словно второе светлейшее солнце, владея кругом царства своего, действительно высочайшим и светлейшим]</p>	<p>яко кругъ по крузѣ чувственнаго солнца образнѣишии ... Кто же нынѣ тот кругъ Божии и солнечный носит, развѣ ты, благочестивыи царю?</p>

Дальнейший образный ряд, сравнивающий царские благодеяния с лучами, посылаемыми солнцем, также восходит к соборной грамоте:

Соборная грамота 1560 г.	Послание царю Федору Ивановичу (ок. 1595 г.)
<p>τὰς ἀκτῖνας τῆς αὐτοῦ ἐλεημοσύνης ταῖς ἀπανταχοῦ ἐκκλησίαις φιλανθρώπως ἐπαφίεις, καὶ ὡς μὲν τῶν ἐκκλησιῶν θάλπων ζωογονεῖ, ὡς δὲ ἐκκαλεῖται πρὸς αὔξησιν καὶ καρποῦ φοράν. [человеколюбиво распространяет лучи своей милости повсюду находящимся церквам, одни согревая и животворя, другие призывая к приращению и плодоношению]</p>	<p>Твоя милостыня свѣтом своим окружает всю землю. Одны лучѣ простерлися въ Ерусалим, другие опираются въ Святой Горѣ, а третии озарили Львовъ и всѣм мѣстам и нуждам людским, паче же опустѣлым мѣстцом святым служат.</p>

¹⁹ Кулиш П. А. *Материалы для истории воссоединения Руси*. М., 1877. Т. 1. С. 21–33.

²⁰ Публикацию грамоты по списку, привезенному в Москву, ее палеографический анализ и перевод см.: Фонкич Б. Л. *Грамота Константинопольского патриарха Иоасафа II и собора восточной церкви, утверждающая царский титул Ивана IV // Россия и греческий мир в XVI веке*. М., 2004. Т. 1. С. 381–388.

²¹ Здесь и далее текст и перевод соборной грамоты 1560 г. приведен по изданию: Фонкич Б. Л. *Грамота Константинопольского патриарха Иоасафа II...* С. 382–388.

Автор послания постоянно подчеркивает, что его адресат является наследником и продолжателем того государя (Ивана Грозного), к которому впервые были применены эти образы. Если в соборной грамоте говорилось о Грозном царе: «τοῦ εὐσεβεστάτου βασιλέως... καθάπερ τις ἕτερος λαμπρότατος ἥλιος, σφαῖραν τὴν τῆς βασιλείας αὐτοῦ» [благочестивейшего царя... словно второе светлейшее солнце, владея кругом царства своего, действительно высочайшим и светлейшим], то в послании афонского инока благочестивый и светлейший царь назван преемником «начального круга»: «Ты же, о благочестивый царю, ... во благочестии и вѣри свѣтлиишии и яко кругъ по крузѣ началномъ». Мысль о преемственности царя и «круга» царства повторена не единожды: «яко кругъ по крузѣ чувственнаго солнца образнѣишии».

Риторическая часть послания завершается фразой, в которой соединены все используемые автором образы: «яко солнечный кругъ своими лучами добродѣтели удovляешь». Образный ряд отсылает читателя к соборной грамоте, где подобные сопоставления впервые появляются и служат основанием для поставления великого князя на царство. Обращение к соборной грамоте указывает на то, что автор послания мог иметь доступ к документам, хранившимся в канцелярии Константинопольской патриархии, — именно там инок, не бывавший в Москве, мог найти грамоту, несомненно, хорошо знакомую и драгоценную для русского государя.

Автор изучаемого послания был не единственным человеком, апеллировавшим в 90-х гг. XVI в. к соборной грамоте 1560 г. в письмах к русскому царю. Сходные выражения использованы патриархом Александрийским Мелетием Пигасом в письме Федору Ивановичу от 21 июля 1593 г.: «Κοινόν σε κατέστησεν ὀφθαλμὸν τῆς οἰκουμένης ὁ παμβασιλεὺς θεός, κράτιστε βασιλεῦ, ἥλιόν τινα λογικὸν οὐκ ἀκτίσι φωτὸς τὴν οἰκουμένην αὐγάζοντα, ἀλλὰ φιλόανθρωπον προνοίας πυρσοῖς ζωογονοῦντα καὶ θάλποντα»²² [Державнейший царь, всецарь Бог поставил тебя общим глазом вселенной, как бы солнцем мысленным, которое не лучами света озаряет вселенную, а оживляет и согревает ее пламенем человеколюбивого промысления²³]. В данном случае нельзя говорить о прямом заимствовании из соборной грамоты в послание Мелетия Пигаса, однако ряд сопоставлений и общих понятий, несомненно, свидетельствует об отсылке к ней: λαμπρότατος ἥλιος (светлейшее солнце) — ἥλιόν τινα λογικὸν (солнце мысленное); τὰς ἀκτίνας τῆς ἐλεημοσύνης ... φιλόανθρώπως (лучи милости... человеколюбиво) — ἀκτίσι ... φιλόανθρωπον προνοίας (лучами ... человеколюбивого промысления); θάλπων ζωογονεῖ (согревая оживляет) — ζωογονοῦντα καὶ θάλποντα (оживляет и согревает).

В письмах Мелетия Пигаса встречается ряд выражений, сходных со славянским посланием афонского инока. Патриарх употребляет словосочетание ἥλιόν τινα λογικὸν (солнце мысленное) — в тексте афонского инока: «солнце чувственное». В других письмах Александрийского архиерея к царю Федору Ивановичу, написанных в 1593 г.: ἀνατέλλειν τῆς εὐσεβείας τὰς αὐγάς²⁴ — «свѣта того благодатию озаритися»; τῷ ὄντι θεῶν δωρεῶν ἀκτίσι τὴν ὑφήλιον ἅπασαν καταλάμπεις²⁵ — «божескаго лучѣ триипостасное вѣры... от востока по всем мирѣ восиял и... озарил». Несомненным сходством обладает

²² *Regel W. Analecta...* Fol. 104.

²³ Здесь и далее перевод И. И. Мальшевского, см.: *Мальшевский И. И. Александрийский патриарх Мелетий Пигас*. Т. 2. С. 13.

²⁴ *Regel W. Analecta...* Fol. 107, 23.

²⁵ *Regel W. Analecta...* Fol. 98, 21–22.

и пожелание иметь наследника, который стал бы преемником престола: δὴν κύριος ἐκ τῆς ὀσφύος σου ἐπὶ τὸν θρόνον σου καὶ τῆς σῆς βασιλείας... διάδοχον²⁶ — «да ти даст Бог... плод мужескаго стану, егоже желаешь, от своих нѣдръ испустити и на своем царствѣ по собѣ вмѣсто себе zostавити».

Судя по посланиям Мелетия Пигаса 1593–1595 гг., он возлагал большие надежды на Московию и на царя Федора Ивановича как на единственную твердую опору православия²⁷. Эти надежды существенно поблекли позднее. О миссиях, отправленных в Москву в 1593 г. с грамотой Александрийского патриарха, долго не было никаких известий, пока в 1597 г. не вернулся один из посланников, чтец Иоанн, — без долгожданной милостыни и без попутчика архимандрита Неофита, брошенного в Москве в тюрьму. Видимо, это стало причиной того, что в послании в Киевскую митрополию от 23 июля 1597 г. удивленный и обиженный Мелетий Пигас, объясняя иерархию и взаимоотношение православных патриархий, ни словом не упоминает о существовании утвержденной им самой Московской патриархии²⁸.

Несомненно, сам Мелетий Пигас не мог быть автором изучаемого послания. Сам он не знал славянских языков, а пренебрежение со стороны московских властей и их недовольство трудами патр. Мелетия по утверждению патриаршества в России положило конец похвалам Александрийского патриарха в адрес московского царя. По этой причине он не мог быть инициатором письма русскому государю, но представленные параллели убеждают нас в том, что авторство принадлежит человеку, ему близкому. Александрийский патриарх был крайне заинтересован в поддержке православия в Киевской митрополии. Многие его ученики, отправившись в Речь Посполитую, стали ключевыми фигурами в церковной политике 1590–1620-х гг. Тесные связи между Александрийским патриархатом, Киевской митрополией и афонским Зографским монастырем, отмеченные В. Г. Ченцовой²⁹, заставляют нас внимательно рассмотреть окружение Мелетия Пигаса.

Одним из учеников патриарха был Исаакий Борискович, ставший в 1621 г. епископом Луцким и Острожским. О его жизни до 1596 г., когда он принял участие в антиуниатском Брестском соборе, известно немного. В 1600 г. он совершил путешествие в Иерусалим; возможно, именно ему принадлежит описание святынь Иерусалима³⁰. В течение семи лет Исаакий был учеником Мелетия Пигаса (ум. 1601 г.) и на протяжении 15 лет иночествовал на Афоне (о чем он сообщил в письме патриарху Московскому Филарету в 1622 г.). Точное время его пребывания на Святой горе или служения Александрий-

²⁶ *Regel W.* Analecta... Fol. 105, 25–26.

²⁷ О послании патр. Мелетия царю Федору Ивановичу, призывавшем последнего помочь Львовскому братству, см.: *Фонкич Б. Л.* К истории текста одного из посланий Александрийского патриарха Мелетия Пигаса к царю Федору Ивановичу // *Очерки феодальной России.* М., 2003. Вып. 7. С. 105–111.

²⁸ Книжица в десяти разделах. Острог: Тип. Острожская, 11 июня 1598 г. Л. 77–98; см. также: *Мальшевский И.* Александрийский патриарх Мелетий Пигас. Т. 2. С. 44–60.

²⁹ См.: *Ченцова В. Г.* Монахи из Зографа в Киеве и Москве в 20–30-е гг. XVII в. // *Исторический вестник. Христианство на Ближнем Востоке.* Т. 20. М., 2017. С. 170.

³⁰ Се же путешествие святого града Иерусалима и Гроба Господня и всех предел иерусалимских и обоньпол Иордана и Помория // *Литературный сборник, издаваемый Галицко-русской матицей.* Львов, 1871. С. 99–125; *Флоря Б. Н., Пидгайко В. Г.* Исаакий (Борискович) // *Православная энциклопедия.* Т. 27. М., 2011. С. 34.

скому патриарху остается неизвестным. О неоднократных посещениях Афона Исаакий Борискович рассказал в Москве во время выяснения обстоятельств появления в России старцев из Зографского монастыря³¹. «Святогорцем» Исаакий называется в Житии Иова Княгиницкого. Предполагается, что весной 1594 г. он покинул Константинополь вместе с Кириллом Лукарисом, отправившись в Киевскую митрополию, однако нет оснований утверждать, что он уехал именно тогда, а не немногим позже. Около середины – второй половины 90-х гг. XVI в. Исаакий посетил Афон и встретился там с Иоанном Вышенским³². Однако в целом его дальнейшая деятельность была связана с православными монастырями Киевской митрополии. Около 1596 г. Исаакий Борискович стал игуменом Степанского монастыря; в 1602 г. — игуменом Троицкого Дерманского монастыря, где с помощью Иова Княгиницкого в 1604 г. ввел общежительный устав. Это сближает Исаакия Борисковича с автором послания, пересылавшего в Речь Посполитую «листки общему житию».

Постоянное участие в церковных делах в литовских землях после Брестской унии заставляет предполагать, что на Афоне Исаакий Борискович иночествовал до того, как вступил в активную борьбу за чистоту православия после Брестской унии. После отъезда из Константинополя около 1594–1595 гг. посещения им Афона носили кратковременный характер. Можно полагать, что названные им в письме к патриарху Филарету пятнадцать лет иночества на Афоне (с учетом некоторого преувеличения, допустимого в подобной переписке) преимущественно пришлись на время до 1595 г. Если наши расчеты верны, то в 1594–1595 гг. Исаакий Борискович, не подозревавший, что дальнейшая его жизнь будет связана почти исключительно с литовскими землями, мог оценивать себя как афонского инока, лишь временно пребывающего в Константинополе. Как человек, близкий к патриарху Александрийскому Мелетию Пигасу, Исаакий Борискович мог иметь доступ к документам, хранящимся в патриаршей канцелярии в Константинополе. Мелетий Пигас уехал из Константинополя в марте 1594 г., однако его ученик Кирилл Лукарис остался в столице, откуда через некоторое время отбыл в литовские земли. Безусловно, Исаакий Борискович также мог задержаться в Константинополе и покинуть его между весной 1594 г. и летом 1596 г.

Многие сведения о судьбе и воззрениях Исаакия Борисковича известны только из документов 1620-х гг., когда при поддержке митрополита Киевского Иова Борецкого он активно искал помощи для Киевской митрополии в Москве. В 1624–1625 гг. епископ Исаакий отправился в Москву по благословению Иова Борецкого за покровительством для православного духовенства Речи Посполитой и казаков³³. В качестве подарка он вез афонские святыни и книгу – греческий список молитв инока Фикары. Ему не удалось убедить московское правительство оказать военную помощь православным в Речи Посполитой; но как особый дар для Степанского монастыря, окормляемого Исаакием Борисковичем на протяжении долгих лет, он просил у царя и Московского патриарха комплект богослужебных книг³⁴. Желание получить в качестве царского дара не денежную

³¹ См.: *Ченцова В. Г.* Монахи из Зографа... С. 169–170.

³² *Шумило С.* Старец Иоанн Вишенский: афонский подвижник и православный писатель-полемист. Киев, 2016. С. 65–66.

³³ Новейшее исследование, в котором на основе архивных документов подробно рассмотрена поездка Исаакия Борисковича: *Ченцова В. Г.* Монахи из Зографа... С. 167–183.

³⁴ РГАДА. Ф. 52. Сношения России с Грецией. 1624 г. Ед. 10. Л. 82.

помощь, не ценности, святыни или грамоты, а книги также говорит о сходстве автора послания и Исаакия Борисковича. Наконец, само обращение к Московскому патриарху и московскому царю как к защитникам православия (нечасто встречающееся среди противников унии в Речи Посполитой, которые в большей степени ориентировались на греческий мир и Афон, чем на Москву) является общим для неизвестного инока и Исаакия Борисковича. Однако главным аргументом в пользу тождества Борисковича и автора послания Федору Ивановичу является письмо, отправленное Луцким епископом патриарху Филарету в 1622 г., накануне поездки в Москву. В этом тексте, написанном спустя почти тридцать лет после письма царю Федору Ивановичу, Борискович употребляет выражение, чрезвычайно близкое к исследуемому нами посланию: «благочестивыми царми... паче солнца чювьственного сияюще»³⁵.

Несмотря на постоянное и активное участие в церковных делах, Исаакий Борискович не был плодовитым автором. Достоверно ему атрибутируется единственное послание 1622 г. патриарху Филарету и небольшая челобитная 1624 г. с просьбой о книгах³⁶, остающаяся неопубликованной. Авторство описания святынь в Иерусалиме (принадлежащего к совсем иному жанру, а потому не поддающегося сопоставлению с посланием афонского инока) гипотетично. Между тем, составитель послания обращается к царю Федору Ивановичу с просьбой: «отошли ты се мои листки». Нигде не называя текст, предназначенный для «Лядской земли» своим посланием и не характеризуя его как-либо иначе в качестве собственного сочинения, автор неизменно описывает посылку как «листки». Фраза «аз же еще растуся со ними тѣлом, но духом купно» утверждает нас в мысли, что речь идет не о собственном сочинении Борисковича (о расставании с которым он вряд ли бы так печалился), но о чужом послании, авторства которого Исаакий предпочитает не раскрывать. Возможно, это было одно из посланий его учителя, Мелетия Пигаса, перу которого принадлежит ряд посланий в Киевскую митрополию, изданных в 1598 г. в Остроге³⁷.

Послания, написанные Александрийским патриархом в разное время для православных Речи Посполитой, следовало переправлять в «Лядскую землю», и не всегда это было легко сделать. Не менее сложными путями доходили туда сочинения Иоанна Вышенского, с именем которого связывают послание «От Святое Афонское горы скитствующих», адресованное «в благочестии обретающимся в Лядской земли»³⁸. Этот текст написан в существенно более спокойной манере и более книжным языком, нежели те послания, которые подписаны Иоанном Вышенским. Указание на то, что сочинение является плодом коллективного творчества связанных с Афоном иноков, не кажется нам литературным приемом Иоанна Вышенского. Возможно, к созданию послания был причастен не один Иоанн Вышенский, но и иные «странники». Послание, адресованное князю Василию-Константину Острожскому, называет последнего «поборником веры авраамской»; точно так же в письме неизвестного инока царю Федору Ивановичу посол Данила Исленьев характеризуется как «близкий тебе (царю. — М. К.) вѣроу авраамский сын». Все это сближает два послания «Афонской горы скитствующих»,

---

³⁵ Кулиш П. А. *Материалы для истории воссоединения Руси*. М., 1877. Т. 1. С. 132.

³⁶ РГАДА. Ф. 52. 1624 г. Ед. 10. Л. 82.

³⁷ Книжица в десяти разделах. Острог: Тип. Острожская, 11 июня 1598 г.

³⁸ Книжица в десяти разделах. Л. 126 об.–134.

одно из которых традиция приписывает Иоанну Вышенскому, а другое, как можно полагать, принадлежит Исаакию Борисковичу.

Можно надеяться, что находка в рукописной традиции посланий, издававшихся во Львове, Остроге или Вильне, позволит с большей уверенностью говорить о том, какой именно текст намеревался отправить в «Лядскую землю» через Москву константинопольский автор. В настоящее время несомненным является лишь то, что драгоценные «листки» были непосредственно связаны с теми переломными процессами, которые происходили в 1590-е гг. в Киевской митрополии.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Текст публикуется по списку, хранящемуся в Вильнюсе, в Библиотеке Академии наук Литвы им. Врублевских, Ф. 19-107 (сборная рукопись на церковнославянском и белорусском языках второй четверти XVII в.). Послание расположено на л. 130–132 об. При публикации титла раскрываются, выносные буквы вносятся в строку; из устаревших букв сохраняется ѣ; буквы ъ и ь сохранены во всех позициях, в том числе в конце слова. Киноварные литеры при публикации выделены полужирным шрифтом. Пунктуация, деление на фразы и абзацы принадлежат публикатору.

(л. 130) божескаго лучѣ триипостасное вѣры, по воскресении восток востоком. От востока по всем мирѣ восиял, и в весь смрад мирский идолопоклонства нечистоты и осквернения озарил, и всѣмъ свѣта своего вѣры невозбранно насыщатися восхотѣл, и всѣхъ растоящихся от Бога грѣхом далече крещением и вѣрою соединилъ, и отдалече растоящихся страны любовию вкупѣ другъ со другомъ быти, аще и не телесне, но духом созвязал, и всѣмъ очи единомысленне в кругъ вперити и оттуду почерпати вѣрою и заповѣдми в любви живот вѣчныи узаконил. Развѣ хто самовольством невѣрства не хотечи свѣта того благодатию озаритися, но тако во мрацѣ невѣрства и прелести быти, очи своего ума затворил и сердце жидовством ожестил, от сего воистинну и свѣтъ божеский свою зарю сокрыл, не яко свѣтъ крыется, но яко жесточества и невѣрства мрак преграду ко свѣту познания Христа истиннаго Бога нашего во невѣрныхъ творит. Они же восприимут свое должное за нынѣшний мрак вечныи мрак, тму и геенну, яко изволиша во мрацѣ // (л. 130 об.) и тмѣ нынѣ и в будущемъ вѣци быти.

Ты же, о благочестивый царю, яко сынъ свѣта, а не тмы, и яко царь по Христѣ цари во благочестии и вѣри свѣтлийшии, и яко кругъ по крузѣ началномъ безобразном, во божествѣ творцу кругом Христѣ в милости и щедротствѣ от прочихъ ближнеишии, и яко кругъ по крузѣ чувственаго солнца образнѣишии. Где бо твоего христіанства свѣтъ не озарил, где твоего благочестиа цѣлость вѣры скипетра слово не промечся, где бо от твоея любве круга лучи добродѣтели свѣтом своимъ не засягли! Глаголю, аще истинствую, яко всему миру во вѣри непоколебимой во благочестии во всѣхъ Божиихъ ко Богу несумѣнномъ въ щедротствѣ и милости Богу, елико сила и чувственаму солнцу близко подобныи, явствен еси и изобразуется в тобѣ Христово слово реченное.

О царю, еже рече царь царем, будите, рече, щедри и совершенни, якоже отецъ вашъ щедръ и совершенъ есть³⁹, иже на небесехъ, понеже тотъ солнце свое вездѣ простираетъ на благихъ и злыхъ⁴⁰. Хто же нынѣ тотъ кругъ Божии и солнечныи носит, развѣ ты, // (л. 131)

---

³⁹ Мф. 5:48.

⁴⁰ Мф. 5:45.

благочестивый царю? Твоя милостыня свѣтом своим окружает всю землю. Одны лучѣ простерлися въ Ерусалим, другие опираются въ Святой Горѣ, а третии озарили Львовъ и всѣм мѣстам и нуждам людским, паче же опустѣлым мѣстцом святым служат. Свѣт же паки твоее царское милости и щедротства домового всѣмъ незазорно свѣтит, хто бы едино восхотѣл ты и не ленился воспросити. О што злыи и добрыи без разсуждения совѣсти их всѣ относят и всѣх, яко солнечныи кругъ своими лучами добродѣтели удовлетяешь, и всѣ нынѣ потребнии к тобѣ зрят. Понеже невозбранен еси нѣкому, хто бо прострет своее прозбы очи к тобѣ, ты его своего милосердия датком вперед упережаешь.

Сего ради и аз, вѣдяще ты всѣх всего, якоже и Бог всѣх в весь и кругъ солнечныи всѣх в весь, и ты подобныи оным, якоже вышше рекох, дерзновение приимую к тобѣ и от тебе поищу нѣчто полезно, не от си-х тлѣнных, но неистлѣнных. Не да мя миром и мирскими веществы обогатишь, егоже аз сирѣчь мира // (л. 131 об.) ради Христова гласа и Христа самого помощью и пречистое Божия Матере ходатаици спасения нашего совлещися хошу. Но да мя даруешь, еже ти николи же не оскудѣет, но и еще талантъ владыцѣ Христу приплодишь, иже на небеси, сам со даром своим написан будеши, идѣже и сокровѣществовати заповѣдьми Христос повелѣлъ. И первое убо прошение мое да исполниши евагелское слово, еже Христос рече: аще ты поимет поприще едино, ты иди с ним и двѣ⁴¹. Сего ради аз ты поймую и прошу, да сотвориши по заповѣди Христовой: отошли ты се мои листки до Лядское землѣ, там гдѣ изображение и надпись наверхъ листовъ есть. В них бо воистинну ничтоже мирского, развѣ Христово писано. Их же тобѣ через посла твоего благочестивого и православнаго христианина Данила Ивановича отсылаю. Он же близкий щедротами тебе и вѣроу авраамский сын, принял бо мене, странника, и упокоил и погребы мои, ихже нужда бѣ, исполнилъ, егоже мзда готова у мздовоздателя. Второе прошение мое // (л. 132) да пошлеши со тѣми листы от печатнаго ти дому Триодъ Постную и Цвѣтную, и аще есть иная кая книга и образовъ, колико хошешь и яких воля твоя царская, да отдадутъ тамо, идеже и листъ общему житию. Аз же аще растуоя со ними тѣлом, но духом купно. Ради твоего благотворения и дару возмездие сице твоему царству отдавати хошу и платити буду: пришедши до Святой Горы, идеже возвращаюся, сѣвши в скитѣ, егда отверзѣ свои недостойныи уста ко милостивому Богу, тебе сицевым образом воспомянуги хошу. Первое да ти даст Богъ во царствѣ семь тлѣнном мирно и безгрѣшно со госпожею и от Бога данным чадом ти пожити. Враги противляющияся со силоу Христовою под скипетро ти покорити, надъ еретичествы всякими своим благочестием ся воцарити, плодъ Богу достойныи в нынѣшнем вѣце от своего благочестия принести, плодъ мужескаго стану, егоже желаешь, от своих нѣдръ испустити и на своем // (л. 132 об.) царствѣ по собѣ вмѣсто себе зоставити, нынѣ телесне добрѣ поприще сего вѣку преполовивше во будущии вѣкъ со доброу надеждоу достигнути и со Христом царем вѣчне воцаритися желаю. Сии же, имже тот дар от тебе дан будет, тожде согласнѣ, еже и аз, послѣдование сотворят — всенощныя по церковному благочестивому уставу о тобѣ творити будут. Чаю и вѣру, яко не отречешся сие на ползу себѣ сотворити. Писан во Цариградѣ при бытности твоего посла на отходѣ втором до Святое Горы.

---

⁴¹ Мф. 5:41.

Информация о статье

Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РФФИ № 18-512-18006 Болг_а по теме «Миграция текстов в культурном пространстве Slavia Orthodoxa».

Автор: Корогодина, Мария Владимировна — доктор исторических наук, заведующая Научно-исследовательским отделом рукописей, Библиотека Российской академии наук, Санкт-Петербург, Россия, mkorogodina@rambler.ru; OrcID 0000-0001-7170-8688

Заголовок: Неизвестное послание царю Федору Ивановичу из Константинополя

Резюме: Статья посвящена малоизвестному посланию, сохранившемуся в единственном списке в составе сборника первой половины XVII в. Послание, адресованное неизвестным монахом из Константинополя православному царю, содержит пространные восхваления царя и его милостей, распространяемых на разные страны, а также просьбу переслать некое поучение о вере и новоизданные печатные книги в Речь Посполитую. В Москву послание должен был доставить русский посол в Константинополе Данила Иванович Исленьев. Таким образом, послание служило сопроводительной запиской.

Сопоставление данных и изучение архивных материалов позволяет предположить, что адресатом являлся московский царь Федор Иванович, а послание было написано в 1595–1596 гг., до принятия Брестской унии (1596). Автор послания — православный монах, выходец из Речи Посполитой, собиравшийся продолжить свои дни на Афоне. Возможно, послание было подготовлено Исаакием Борисковичем, учеником Александрийского патриарха Мелетия Пигаса, который перед Брестской унией уехал из Константинополя, посетил Афон, а впоследствии связал свою деятельность с борьбой за православие в землях Киевской митрополии. Остается неизвестным, какое именно поучение о вере просил он доставить православным в Киевскую митрополию, но можно предположить, что это было одно из многочисленных поучений греческих иерархов (возможно, патриарха Мелетия Пигаса). Исследование сопровождается публикацией послания царю Федору Ивановичу.

Ключевые слова: Московская Русь, Великое княжество Литовское, посольство в Грецию, Брестская уния

Литература, использованная в статье

Антонов, Антон Владиславович. Акты служилых землевладельцев XV – начала XVII века. Москва: Памятники исторической мысли, 1998. Т. 2. 608 с.

Дианова, Татьяна Владимировна. Филигрань «Кувшин» XVII в. Москва: Государственный исторический музей, 1989. 80 с.

Добрянский, Флавиан Николаевич. Описание рукописей Виленской публичной библиотеки, церковно-славянских и русских. Вильна: Типография А. Г. Сыркина, 1882. LV + 533 с.

Кулиш, Пантелеймон Александрович. Материалы для истории воссоединения Руси. Москва: Общественная польза, 1877. Т. 1. 322 с.

Мальшевский, Иван Игнатьевич. Александрийский патриарх Мелетий Пигас и его участие в делах Русской церкви. Киев: Типография Киево-Печерской Лавры, 1872. Т. 2. 163 + 133 + 9 с.

Морозова, Надежда Афанасьевна. Кириллические рукописные книги, хранящиеся в Вильнюсе: Каталог. Vilnius: Lietuvių literatūros ir tautosakos institutas, 2008. XXXIV + 243 с.

Фонкич, Борис Львович. Грамота Константинопольского патриарха Иоасафа II и собора восточной церкви, утверждающая царский титул Ивана IV // Россия и греческий мир в XVI веке. Москва: Наука, 2004. Т. 1. С. 381–388.

Фонкич, Борис Львович. К истории текста одного из посланий Александрийского патриарха Мелетия Пигаса к царю Федору Ивановичу // Очерки феодальной России. Москва: УРСС, 2003. Вып. 7. С. 105–111.

Ченцова, Вера Георгиевна. Монахи из Зографа в Киеве и Москве в 20–30-е гг. XVII в. // Исторический вестник. Христианство на Ближнем Востоке / Под общей ред. Панченко, Константина Александровича. Москва, 2017. Т. 20. С. 164–189.

Шереметев, Сергей Дмитриевич. Труды по истории Смутного времени / Сост. Ковалева, Марина Дмитриевна; Топычканов, Андрей Владимирович; Шокарев, Сергей Юрьевич. Москва: ООО «Центр внедрения инноваций и технологий», 2015. 356 с.

Шумило, Сергей Викторович. Старец Иоанн Вишенский: афонский подвижник и православный писатель-полемист: Материалы к жизнеописанию «Блаженной памяти великого старца Иоанна Вишенского Святогорца». Киев: Издательский отдел Украинской Православной Церкви, 2016. 207 с.

Эскин, Юрий Моисеевич. Очерки истории местничества в России XVI–XVII вв. Москва: Квадрига, 2009. 512 с.

Heawood, Edward. Watermarks mainly of the 17th and 18th centuries // Monumenta Chartae Papyraceae. Vol. I. Hilversum: The Paper Publications Society, 1950. 154 p. + 533 pl.

Regel, Wasilij Eduardovich. Analecta Byzantino-Russica. Petropoli: Eggers & S et I. Glasunov, 1891. CLIV + 153 c.

Information about the article

The research was supported by the Russian Foundation for Basic Research, project № 18-512-18006 Болг_а «Migration of the texts in cultural area of the Slavia Orthodoxa».

Author: Korogodina, Mariia Vladimirovna — Doctor in History, Head of the Manuscript Department, Russian Academy of Sciences Library, St. Petersburg, Russia, mkorogodina@rambler.ru; OrcID 0000-0001-7170-8688

Title: Unknown Epistle to Tsar' Fedor Ivanovich from Constantinople

Summary: The paper is about a little known epistle which is kept in the unique handwritten miscellanea of the first part of 17th century. This epistle is addressed by unknown monk from Constantinople to orthodox tsar'. It contains wordy praises on tsar' and his favors to different countries. The author asks to send a sermon about faith and two printed books into Rech' Pospolitaya. The epistle should be brought to Moscow by Danila Ivanovich Isleniev, a Russian ambassador in Constantinople. So the epistle was a covering letter for unknown sermon.

Data comparison and studying of archive documents let us to suppose that the epistle was addressed to Moscow tsar' Fedor Ivanovich and was written in 1595–1596 before the Brest's Union (1596). The author of the epistle was an orthodox monk, native of Rech' Pospolitaya who was going to live in one of the Athos' hermitages later. Probably the epistle was written by Isaakiy Boriskovich, a follower of Meletios Pigas, the Patriarch of Alexandria. Isaakiy Boriskovich departed from Constantinople before Brest's Union. He visited Athos but later his life was completely connected with struggle of Orthodox believers against the Union in the Kyiv Metropolia. It is unknown what was the sermon about faith he asked to send to orthodox believers in Kyiv Metropolia. We can suppose that it was one of numerous sermons and epistles of orthodox Greek hierarchs (probably of Meletios Pigas).

The epistle addressed to tsar' Fedor Ivanovich is published in addition to the research.

Keywords: Moscovia, Grand Duchy of Lithuania, embassy to Greece, Brest's Union

Referenses

Antonov, Anton Vladislavovich. *Akty sluzhilykh zemlevladeltsev XV – nachala XVII veka* [Acts of the salaried landowners from the 15th till the beginning of the 17th centuries]. Moscow: Monuments of historian ideas Publ., 1998. Vol. 2. 608 p. (in Russian).

Chentsova, Vera Georgievna. Monakhi iz Zografy v Kieve i Moskve v 20–30-e gg. XVII v. [Zographou monks in Kyiv and Moscow in the years 1620–1630], in Panchenko, Konstantin Aleksandrovich (ed.). *Historian Bulletin. Christianity in the Near East*. Moscow, 2017. Vol. 20. Pp. 164–189 (in Russian).

Dianova, Tatyana Vladimirovna. *Filigran' «Kuvshin» XVII veka* [Watermark «Pot» in the 17th century]. Moscow: State Historian Museum Publ., 1989. 80 p. (in Russian).

Dobryanskiy, Flavian Nikolaevich. *Opisanie rukopisey Vilenskoj publichnoy biblioteki, tserkovno-slavyanskikh i russkikh* [Description of the Church-slavonic and Russian manuscripts of the Vilna's public library]. Vilna: Print. by A. G. Syrkin, 1882. LV + 533 p. (in Russian).

Eskein, Yuriy Moiseevich. *Ocherki istorii mestnichestva v Rossii XVI–XVII vv.* [Studies on the history of seniority in Russia at the 16th and 17th centuries]. Moscow: Квадрига Publ., 2009. 512 p. (in Russian).

Fonkich, Boris L'vovich. Gramota Konstantinopol'skogo patriarkha Ioasafa II i sobora vostochnoy tserkvi, utverzhdayushchaya tsarskiy titul Ivana IV [Charter of Constantinople Patriarch Ioasaph II and the Council of East Church with the ratification of tsar's title of Ivan IV], in *Rossiya i grecheskiy mir v XVI veke*. Moscow: Nauka Publ., 2004. Vol. 1. Pp. 381–388 (in Russian).

Fonkich, Boris L'vovich. K istorii teksta odnogo iz poslaniy Aleksandriyskogo patriarkha Meletiya Pigasa k tsaryu Fedoru Ivanovichu [About the text history of one epistle of Meletius Pegas, patriarche of Alexandria], in *Ocherki feodal'noy Rossii*. Moscow: URSS Publ., 2003. Vol. 7. Pp. 105–111 (in Russian).

Heawood, Edward. Watermarks mainly of the 17th and 18th centuries, in *Monumenta Chartae Papyraceae*. Vol. I. Hilversum: The Paper Publications Society Publ., 1950. 154 p. + 533 pl.

Kulish, Panteleymon Aleksandrovich. *Materialy dlya istorii vossoedineniya Rusi* [Materials for the history of reunion of Rus']. Moscow: Obschetsvennaya pol'za Publ., 1877. Vol. 1. 322 p. (in Russian).

Malyshevskiy, Ivan Ignatyevich. *Aleksandriyskiy patriarkh Meletiy Pigas i ego uchastie v delakh Russkoy tserkvi* [*Alexandria's Patriarch Meletios Pigas and his participation in the affairs of Russian Church*]. Kyiv: Print. by Kyiv Pechersk Lavra, 1872. Vol. 2. 163 + 133 + 9 p. (in Russian).

Morozova, Nadezhda Afanasyevna. *Kirillicheskie rukopisnye knigi, khranyashchiesya v Vilnyuse: Katalog* [*Cyrillic manuscripts kept in Vilnius: Catalogue*]. Vilnius: Lietuvių literatūros ir tautosakos institutas Publ., 2008. XXXIV + 243 p. (in Russian).

Regel, Wasilij Eduardovich. *Analecta Byzantino-Russica*. Petropoli: Eggers & S et I. Glasunov Publ., 1891. CLIV + 153 p. (in Russian) ?

Sheremetev, Sergey Dmitrievich. *Trudy po istorii Smutnogo vremeni* [*Proceedings on the history of Trouble time*]. Ed. by Kovalyeva, Marina Dmitriyevna; Topychkanov, Andrey Vladimirovich; Shokarev, Sergey Yuryevich. Moscow: «Tsentr vnedreniya innovatsiy i tekhnologiy» Publ., 2015. 356 p. (in Russian).

Shumilo, Sergey Viktorovich. *Starets Ioann Vishenskiy: afonskiy podvizhnik i pravoslavnyy pisatel'-polemist: Materialy k zhizneopisaniyu «Blazhennoy pamyati velikogo startsa Ioanna Vishenskogo Svyatogortsa»* [*Elder Ioann Vyshenskiy: an Athos ascetic and orthodox writer and polemist. Materials to the biography of blessed great elder Ioann Vyshenskiy of Holy Mount*]. Kyiv: Print. by Ukrainian Orthodox Church, 2016. 207 p. (in Russian).